

УДК 94'04/14'

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ¹

Б.Р. Рахимзянов, кандидат исторических наук

Зарубежная историческая наука в течение 1940–2000 гг. уделяла значительное внимание теме территориального расширения Российского государства. Пристальное внимание данная проблематика получила в США и Великобритании.

Во второй половине XX в. это внимание во многом было связано с тем интересом, который Запад проявлял к Советскому Союзу как противостоящей ему на мировой арене державе. В этих условиях изучение истории внешней политики России и поиск ее преемственности с экспансионизмом внешней политики СССР стали одним из важных направлений исследования англо-американской русистики. Особо актуальной признавалась проблема восточной политики Московского государства в середине XVI в., в рамках которой получила свое освещение и история Касимовского ханства.

Пионером изучения Касимовского ханства на Западе стал Георгий Владимирович Вернадский, работавший в разные периоды его жизни в России, Европе и США² и оказавший сильное влияние на так называемые «Russian Studies»³ в мире в целом. В своем труде «Начертание русской истории» он датирует окончание монгольского владычества не 1480 годом, а годом образования Касимовского ханства – 1452⁴. Эта оригинальная мысль была многократно повторена в трудах зарубежных коллег.

Английский историк М. Флоринский в вышедшей в 1953 г. в Нью-Йорке монографии «Россия. История и

интерпретация» справедливо замечает по поводу образования Касимовского ханства: «Среди новшеств Василия было создание на Нижней Волге полузависимого государства для Касима, сына Улу-Махмета. Нюансы образования нового государства, известного как Касимовское царство, так же как и точная дата его образования, остаются неясными. Возможно, образование этого государства было одним из смутных обязательств, принятых Василием как цена за его освобождение. Летопись по этому вопросу хранит молчание. ... Касимовское царство, как нам кажется, служило своего рода барьером против растущей мощи Казани, ...»⁵. Данный подход не блещет оригинальностью, базируясь на монографии Вельяминова-Зернова.

Американский исследователь О. Бакус в своей статье «Была ли Московская Русь империалистичной?» вслед за Г. Вернадским отмечает: «В 1452 году Москва избавила себя от зависимости от Золотой Орды, если не де-юре, то хотя бы фактически, образовав вассальное татарское Касимовское царство в районе, ранее контролировавшемся Ордой. С этого момента начинаются длительный подъем Москвы и ее экспансия»⁶. Важно отметить, что для зарубежных коллег весьма характерно затрагивание истории Касимовского ханства именно в русле имперской экспансии Российского государства. На их взгляд, образование Касимовского ханства стало одним из шагов в этом направлении.

Англичанин С. Зенковски в вышедшей в 1960 г. в издательстве

Гарвардского университета работе «Плантюркизм и ислам в России» рассматривает Касимовское ханство как «первое тюркское меньшинство (minority group) в Русском государстве»⁷. Данный подход интересен в плане перспективных исследований тюркских групп в России.

Английский историк Дж.Кларксон в обзорной работе «История России» в следующих выражениях говорит об образовании Касимовского ханства: «Василий II был захвачен в плен и ослеплен своими родственниками (1446) – с этих пор он известен как «Темный», но татарские отряды сыграли важную роль в окончательной победе Василия. Один из их лидеров был награжден – он был признан «царем» буферного Касимовского ханства, вассального княжества Москвы (1452)»⁸. Здесь так же, как и во многих других работах, широкий хронологический охват работы не способствует оригинальности мыслей автора в отношении Касимовского ханства.

В вышедшей впервые в 1963 г. обзорной работе «История России» американский историк Николас Рязановский, ссылаясь на Г.Вернадского, так трактует образование Касимовского ханства в рамках взаимоотношений Руси с монголами: «1452 год обозначил новое достижение: монгольский князь, принадлежащий к правящему дому, принял сюзеренитет великого князя; так было образовано Касимовское княжество. ... Образование этого монгольского княжества, зависящего от Московского великого князя, было всего лишь одним из показателей упадка мощи Монголов. ... Рассуждая практически, Москва может рассматриваться как независимая от Монголов начиная по крайней мере с 1452 года»⁹. Здесь важен акцент на принадлежности Касима к правящему дому Джучи.

Эдвард Л. Кинан, долгое время проработавший деканом и профессором исторического факультета в Гарварде, затрагивает историю Касимовского ханства в своей докторской

(Ph.D.) диссертации «Московия и Казань, 1445-1552 гг.: исследование степной политики»¹⁰. Она была защищена в Гарварде в 1965 г. К сожалению, этот фундаментальный труд, показывающий недюжинную эрудицию и провокационный ум автора, а также глубокое знание им источников, так и не был полностью опубликован. Правда, отдельные моменты были доступны читателям в виде статей.

Касаясь образования Касимовского ханства¹¹, автор называет этот вопрос критическим для понимания властных взаимоотношений того времени. Высказаны интересные (но не всегда подтвержденные источниками данными) мысли по поводу хронологии образования Касимовского ханства, а также о проблеме «выхода» в Касимов.

Говоря в целом о Касимове, автор отмечает: «Место» в Касимове в начале своей истории не было ни татарским аванпостом, ни московским орудием против Казани, ни резиденцией и экономической базой казанских сил, возглавляемых сыновьями хана (Улуг-Мухаммеда. – *Б.Р.*), которые были отданы в распоряжение Василия II во время борьбы против Шемяки. Мамутеку (Махмуду, второму хану Казани. – *Б.Р.*) было выгодно, чтобы его младшие братья, потенциальные очаги оппозиции, были «расквартированы» и «трудоустроены» вне его центральных территорий (имеется в виду территория Казанского ханства. – *Б.Р.*), как и в целом существование между двумя государствами (Казанью и Москвой. – *Б.Р.*) земель, принадлежавших Василию, но обращенных в средство поддержки Касима и Якуба и их свиты, обеспечивающих удобный буфер»¹².

В большой дискуссии, развернувшейся в 1967 г. на страницах американского журнала «Славянское обозрение» («*Slavic Review*») по поводу взаимоотношений Москвы и Казани в средние века, американский историк, основоположник школы украинских исследований в Гарварде Омельян

Прицак высказал интересные и крайне важные, на мой взгляд, наблюдения по поводу изменения политического положения Касимова. Он считает, что вассальный статус Касимовское ханство приобрело не сразу при его образовании в середине XV в., а только после смены представителей династии Гиреев на потомков Ахмада: «Поворотным пунктом во взаимоотношениях между Москвой и Казанью был не 1487 год, ... а 1512. ... Я всего лишь хочу подчеркнуть, что с данного момента казанско-крымская династия оставила Касимов. Юрт в Мещерской земле отныне был передан членам династии бывшего хана Золотой Орды, Ахмеда, с одобрения Москвы. Только теперь касимовские Чингизиды стали марионетками в руках Москвы...»¹³. Автор справедливо отмечает, что прежнее мнение о Касимове как о «творении Московии» неверно, как отметил еще М.Г. Сафаргалиев. Говорится о выходе в Касимов (ссылка на «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.»)¹⁴.

Американец Майк Раефф в своей статье «Модели российской имперской политики относительно национальностей», вышедшей в 1971 г., рассматривает Касимовское ханство как «пятую колонну» по отношению к другим татарским ханствам¹⁵. Данный подход не лишен логики.

Историк Дж.Харрисон в книге «Распространение Российской империи в Азии и Америке» (уже по названию можно судить об идеологической заданности работы) по проблеме истории Касимовского ханства дает информацию с множеством фактических ошибок и непонятных причинно-следственных связей, причем без ссылок на источники¹⁶. Иногда такое характерно и для российских исследователей в трудах со слишком широким проблемно-географическим охватом.

Английский исследователь Н.Чировски в своем труде «История Российской империи» так оценивает факт образования Касимовского

ханства: «Исторически создание этого княжества может быть рассмотрено как практическое освобождение Московии-России от монгольского владычества. Оно означало, что с данного момента и в течение последней декады своего правления Василий был полностью независим от какого-то ни было татарского владычества»¹⁷. Как видим, здесь вновь повторена мысль Г.Вернадского.

Английские исследователи Дж. Лантзев и Р. Пирс в своей работе «На восток к империи. Исследования и завоевания на российской открытой границе до 1750 г.» оценивают Касимов как «действительную пограничную точку (true frontier mark), управляемую татарами на русской службе»¹⁸. Ссылки даются на работы Вернадского и Вельяминова-Зернова.

Английский автор М. Ривкин в своей статье «Российская колониальная экспансия до Ивана Грозного: обзор основных тенденций», опубликованной в журнале «Русское обозрение» («Russian Review») в 1973 г., рассматривая события 1445-1446 гг., справедливо говорит о Касиме: «Неясно, был ли он изначально московским агентом или нет». Вслед за О. Прицаком исследователь отмечает, что только в 1512 г. Касимовское ханство стало московским протекторатом. Рассматриваются вопросы, связанные с управлением Касимовским ханством, в том числе и русской администрацией: «Ранний прототип первого российского «колониального офиса», *Мещерский двор*, или *Приказ*, был основан чуть позже (1512 г. – *Б.Р.*). После взятия Казани, в 1553 году, он был поглощен Приказом Казанского дворца. К сожалению, о Мещерском приказе, его структуре и властных полномочиях почти ничего не известно»¹⁹. Как видим, вновь рассмотрение истории Касимова идет в русле российской имперской экспансии.

Один из ведущих американских исследователей взаимоотношений Московии и тюркского мира в сред-

ние века, Чарльз Гальперин, касается истории Касимовского ханства в работах «Россия и Золотая Орда. Монгольское влияние на средневековую историю России» (1985 г.) и «Татарское иго» (1986 г.). Касимовское ханство рассматривается им как одно из государств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды, вместе с Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским ханствами, Ногайской и Большой Ордами²⁰. Отмечается, что Касимов получал от Московии дань наряду с другими наследниками Золотой Орды²¹. Замечая, что хронология образования Касимовского ханства спорна, автор пишет: «Возможно, образование Касимовского ханства испугало московское население и способствовало возвышению Шемяки, но это всего лишь предположение, так как летописи никогда не отмечали образование этого вассального государства»²². Последний тезис весьма важен для понимания политической ситуации середины XV в. Автор ссылается на российских и советских историков, в том числе и на Г.Вернадского.

Интересные мысли по поводу Касимова можно обнаружить в работе исследовательницы А. Рорлих «Волжские татары: очерк национальной устойчивости». Отмечая, что 1445 год явился годом образования не одного, а двух татарских ханств (Казанского и Касимовского. – *Б.Р.*), она считает причиной образования ханства не «изначальную идею», а случай (по всей видимости, имеется в виду битва 1445 г. под Суздалем, пленение Василия II и выкуп за него). По ее мнению, данный факт «оставил свой след как на внутренних делах ханства, так и на его структуре». Оно отличалось от других ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды, отсутствием собственной правящей династии. Как следствие этого, Касимовское ханство существовало как зависимое государство и часто служило в роли «станции ожидания» для изгнанных из Казани ханов или новых претендентов на казанский

престол²³. Подход автора базируется на материалах работы Вельяминова-Зернова и штудиях турецких исследователей, на которых и даются ссылки.

Английский исследователь Роберт Крамми в своей книге «Формирование Московского государства, 1304-1613 гг.», в главе «Победа Москвы, 1380-1462 гг.» так оценивает положение Касимовского ханства: «В 1452 или 1453 году он (Касим. – *Б.Р.*) обосновался в Городце Мещерском на реке Ока и образовал свое собственное княжество. Здесь он и его преемники заняли стратегическую позицию между Москвой и Казанью. Правители Касимовского ханства – под этим именем оно стало позднее известно – постепенно стали зависимыми от московских князей и помогли им играть активную и информированную роль в политической и дипломатической жизни татарского мира Степи»²⁴.

Англичанин Крейг Кеннеди, к сожалению, порвавший с исторической наукой и работающий на данный момент в бизнесе, затрагивает историю касимовских династов в своей докторской (Ph.D.) диссертации «Джучиды Московии: изучение персональных связей между знатыми татарскими эмигрантами и московскими великими князьями в XV-XVI веках»²⁵. Она была защищена в Гарварде в 1994 г. Научным консультантом являлся Эдвард Л. Кинан. Его научное влияние постоянно ощущается в работе. Как и диссертация Кинана, этот достаточно серьезный труд, показывающий глубокое знание автором русских (и не только) источников, так и не был опубликован.

Кеннеди относит образование Касимовского ханства к 1456 г. (вслед за Зиминым, по всей видимости)²⁶. Отмечается, что соглашение об образовании ханства как постоянного лагеря в Мещере, равно как и соглашение о получении татарами оброков и пошлин с ясачных людей, было закреплено письменным договором, который, правда, не сохранился. Данный тезис

(о существовании именно письменного договора) не бесспорен.

В целом труд весьма полезен читателям при комплексном изучении геополитической и социокультурной ситуации в Евразии в указанный период.

Профессор университета Майами Дж. Мартин в своей большой монографии «Средневековая Россия, 980-1584 гг.» касается истории Касимова во взаимосвязи с историей Казанского ханства, да и других наследников Золотой Орды. Образование Касимовского ханства она расценивает как поворотный момент во взаимоотношениях Москвы с татарским миром: «Это событие явилось также одним из индикаторов сдвига в раскладе сил «Московия-Татары»; Касим и все последующие ханы Касимова являлись уже не сюзеренами Василия (кем они могли быть по праву рождения – они были Чингизидами. – *Б.Р.*), но слугами великого князя Московского»²⁷. Мысли автора в основном базируются на взглядах Георгия Вернадского, но творчески развиты. В то же время г-жа Мартин рассматривает Касимовское ханство как полноправную сторону среди действующих сил постзолотоордынской международной сцены: рассуждая по поводу воцарения Шах-Али в Казани в 1519 г., она пишет: «Поддержав кандидатуру представителя астраханской династии на казанский трон, Василий III создал новую коалицию для доминирования в степи. Эта коалиция включала Москву, Казанское и Астраханское ханства и, конечно, Касимов»²⁸. Также автор касается истории Касимовского ханства в своей статье «Мультиэтничность в Московии: размышления по поводу татар-христиан и татар-мусульман в 1550–1580-х гг.»²⁹.

Профессор Иезуитского университета в Чикаго Михаил Ходарковский рассматривает процессы инкорпорации нерусских элит в состав русского дворянства в работе «Не словом единым»: Миссионерская политика и религиозное обращение в России раннего Нового времени». Касаясь плюсов

присоединения к российскому правящему классу, он пишет: «Более великодушные дары ожидали нерусские элиты, присоединившиеся к русскому двору начиная с XVI века и далее, причем во все возрастающем количестве, в поисках защиты и привилегий. Большинство этой знати пришло с Юга и Юго-Востока, где расширяющееся Русское государство предлагало новые возможности для местных элит. После завоевания Казани в 1552 г. различные представители Чингизидской династии из Астрахани, Крыма, Казани, Сибири и Касимова обратились в христианство. Один из наиболее известных примеров такого рода – крещение касимовского хана Саин-Булата в 1573 году. Более известный как Симеон Бекбулатович, он был посажен на московский трон Иваном IV для правления Россией на протяжении почти года»³⁰. М. Ходарковский также затрагивает историю Касимова в своих работах «Приручая Дикую Степь: южная граница Московского государства, 1480-1600 гг.»³¹, «Степная граница России: создание колониальной империи, 1500-1800 гг.»³².

Исследователь Лео де Хартог в работе «Россия и монгольское иго: история русских княжеств и Золотой Орды, 1221-1502 гг.» рассматривает Касимовское ханство как «военную колонию» («military colony»). Он считает, что образование этого ханства привело к значительному повышению престижа Московии: «Осознание того, что татары уже были когда-то приняты на службу Московского государства, способствовало переходу под патронат великого князя Московского многочисленного количества татар, которые покинули родные ханства. Эта ситуация обозначила начало конца эры монгольского доминирования и начало новой эпохи для России»³³. Как видим, это вновь переложение старой мысли Г. Вернадского.

Доналд Островски, работающий в Гарвардском университете, в 1998 г. опубликовал провокационную монографию «Московия и Монголы: меж-

культурные влияния на степной границе, 1304-1589 гг.»³⁴, концептуальные построения которой были приняты далеко не всеми исследователями, работающими на поле средневековой истории России. Написанная на хорошем источниковом материале и предлагающая альтернативные взгляды на многие проблемы, она в числе прочих рассматривает и вопросы, связанные с Касимовским ханством. Автор неоднократно упоминает его как одного из наследников Кипчакского ханства (так Островски именуется Золотую Орду), в общем ряду с Крымским, Казанским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой.

Итак, период с начала 1950-х гг. характеризуется началом научных штудий интересующей нас проблематики зарубежными исследователями. Американские и английские историки рассматривали историю Касимовского ханства преимущественно в контексте российской имперской и колониальной экспансии, которую они начинают с завоевания Казани и Астрахани в середине XVI в., в некоторых трудах – с аннексии Новгорода в 1478 г. На формирование подходов зарубежных коллег к истории Касимовского ханства большое влияние оказали мысли

Георгия Вернадского, высказанные им еще в 1927 г., а также татарских историков.

Делая в целом выводы о вкладе зарубежных ученых в изучение средневековой истории Руси и тюрко-татарского мира³⁵, можно констатировать, что в плане концептуальных построений глубины понимания закономерностей исторического процесса они ушли сильно вперед по сравнению с российскими коллегами, в особенности с некоторыми московскими и Санкт-Петербургскими³⁶. Имперский подход к истории нерусских народов, столь ярко проявивший себя в работах классических русских историков (С.М.Соловьева можно привести как наиболее яркий пример такого подхода), к сожалению, несколько затуманивает головы и современных российских исследователей, не говоря уже о более чем 70-летней истории советской исторической науки. Не сыграла здесь положительную роль и практически полная «выключенность» советских историков из мировой гуманитарной канвы в период 1917–1991 гг., когда «советские историки упустили буквально все новые тенденции западной историографии с 30-х по 90-е гг. XX века»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я хотел бы выразить благодарность программе Фулбрайт (Fulbright Senior Visiting Scholar Program) за прекрасную возможность провести исследование в Гарвардском университете в 2006/07 академическом году.

² Подробнее о жизни и творчестве этого выдающегося историка см.: Halperin Ch. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // *Slavic Review*. – 1982. – Vol.41. – N 3. – P.477–493; Halperin Ch. Russia and the Steppe: G. Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte*. – 1985 – Vol .36. – P. 55–193.

³ Изучение истории России.

⁴ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. – Прага, 1927. – Т.1. – С. 67 – 111.

⁵ *Florinsky M.* Russia. A History and an Interpretation. – N.Y.: The Macmillan Company, 1953. – Vol.1. – P. 68.

⁶ *Backus O.* Was Muscovite Russia Imperialistic? // *American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. N 4. P. 523.

⁷ *Zenkovsky S.A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. – Cambridge: Harvard University Press, 1960. – P. 13.

⁸ *Clarkson J.* A History of Russia. – N.Y.: Random House, 1961. – P. 80-81.

⁹ *Riasanovsky N.* A History of Russia. – N.Y. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – Vol. 1. – P. 94.

¹⁰ *Keenan E.* Muscovy and Kazan, 1445-1552: a study in steppe politics / by Edward Louis Keenan, Jr. 1965. 7, xiii, 429 leaves.

¹¹ *Ibid.* – P. 136 – 140.

¹² *Ibid.* – P. 140–141.

¹³ *Pritsak O.* Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. N 4. P. 579–580.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 589 с.

¹⁵ *Raeff M.* Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // *Allworth E.* Soviet Nationality Problems. – N.Y. – L.: Columbia University Press, 1971. – P. 27.

¹⁶ *Harrison J.A.* The Founding of the Russian Empire in Asia and America. – Coral Gables (Florida): University of Miami Press, 1971. – P. 48, 50.

¹⁷ *Chirovsky N.* A History of Russian Empire. – N.Y.: Philosophical Library, 1973. – Vol.1. – P. 226.

¹⁸ *Lantzeff G., Pierce R.A.* Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. – Montreal-L.: McGill – Queen’s University Press, 1973. – P. 54.

¹⁹ *Rywkin M.* Russian Colonial Expansion before Ivan the Dread: A Survey of Basic Trends // *Russian Review*. – 1973. – Vol.32. – N 3. – P. 293.

²⁰ *Halperin Ch.* Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. – Bloomington: Indiana University Press, 1985. – P. 29.

²¹ *Ibid.* – P.60.

²² *Halperin Ch.* The Tatar Yoke. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1986, с 1985. P. 145.

²³ *Rorlich A.* The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. – P. 25-26.

²⁴ *Crummey R.O.* The Formation of Muscovy, 1304-1613. – L., N.Y.: Longman, 1987. P. 76.

²⁵ *Kennedy C.* The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between emigre Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / by Craig Gayen Kennedy. 1994. 238 leaves.

²⁶ *Ibid.* – P. 39.

²⁷ *Martin J.* Medieval Russia, 980-1584. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 315.

²⁸ *Ibid.* – P. 324.

²⁹ *Martin J.* Multiethnicity in Muscovy: a Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s-1580s. // *Journal of Early Modern History*. 2001. Vol. 5. № 1. P. 1-23.

³⁰ *Khodarkovsky M.* «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. – 1996. – Vol.38. – № 2. – P. 274-275.

³¹ *Khodarkovsky M.* Taming the ‘Wild Steppe’: Muscovy’s Southern Frontier, 1480-1600 // *Russian History/Histoire Russe*. 1999. Vol. 26. № 3. P. 241–297.

³² *Khodarkovsky M.* Russia’s steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500-1800. Bloomington: Indiana University Press, c2002. xii, 290 p.

³³ *Hartog L.* Russia and the Mongol yoke: the history of the Russian principalities and the Golden Horde, 1221-1502. London; New York: British Academic Press, 1996. P. 133.

³⁴ *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – XVI, 329 p.

³⁵ На примере изучения Касимовского ханства.

³⁶ Даже несмотря на некоторые проблемы в плане доступности источников.

³⁷ *Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М.* Журнал «Критика» и новая, наднациональная историография России // *НЛО*. – №50. – 2001.

Аннотация

Статья посвящена изучению в США, Великобритании и других странах, публикующих свои тексты на английском языке, истории одного из татарских ханств – Касимовского. Это ханство являлось одним из государств, образовавшихся на территории Западной (Кипчакской) степи в результате распада Монгольской Империи и Золотой Орды. Несмотря на то, что по своим размерам Касимовское ханство не было большим, оно играло существенную роль во взаимоотношениях Московии (России) со степными ханствами, такими как Казанское ханство и Крымское ханство. Труды, написанные ранее по истории Касимовского ханства, на данный момент устарели и нуждаются в ревизии. Англо-американская историография является важной частью изучения русско-татарских отношений. Ее анализу и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Историография, англо-американская русистика, Московское государство, Касимовское ханство, Russian Studies, имперская экспансия.

Summary

The article covers English-writing Russian Studies, mainly in UK and USA, dealing with history of one of the Tatar khanates, namely the Kasimov Khanate. This khanate is one of the successor khanates in the Western (Qipchaq) steppe that formed after the break up of the Mongol Empire in general and the Golden Horde specifically. The Kasimov Khanate is worth studying because although it was not large in relative size, it figured greatly in the relations of Muscovy (Russia) with the steppe khanates, such as the Kazan Khanate and the Crimean Khanate. Previous work on the Kasimov Khanate is now outdated and much in need of a thorough reconsideration. English-writing Russian Studies is an important part of the historical study of Russian-Tatar relations. Its analysis is the main object of this article.